

В. А. КОРОСТЕЛИН

ФЕДЕРАТСТВО В ПОЗДНЕМ РИМЕ КАК СИСТЕМА: К ПРОБЛЕМЕ ВАРВАРОВ-ФЕДЕРАТОВ

Договорные отношения поздней Римской империи с варварами, прежде всего – германцами, в результате длительной эволюции (III-V вв.) породили исторический феномен, оказавший огромное влияние на распад Западной Римской империи, а позднее – на формирование «варварских королевств», будущих протофеодальных формирований в Западной Европе. Этот феномен – «федератство», включающий в себя исторически сложившуюся систему указанных договорных отношений и их последствий. Многочисленные исследования проблем падения Рима и связанных с ними процессов, так или иначе касаются и темы варваров-федератов в различных ее военно-политических, социальных, культурно-религиозных аспектах [1]. В данной статье попытаемся охарактеризовать лишь основные принципы федератских отношений Позднего Рима с варварами.

Как система, а федератские отношения Позднего Рима с варварами, как мы убеждены, представляют собой именно систему, федератство исторически проявило себя как минимум в трех «ипостасях».

Во-первых, федератские отношения, если не в ранней форме, то, по крайней мере, на максимуме их применения, в IV-V вв., проявлялись в публично-правовой форме, т.е. федератские договоры имели четко выраженную юридическую фактуру, сопровождалась юридическим обоснованием условий, времени действия, ожидаемых последствий и четко выраженными обязательствами сторон. Это свойство федератского договора было особенно важным для варваров (германцев), т.к., это мы увидим далее, именно они были стороной, особо заинтересованной в материальной сути договоров (выплате трибута, разрешении на поселение, условиях расселения на римской территории).

Во-вторых, федератский договор имел ярко выраженную, акцентированную военно-политическую устремленность, причем с обеих сторон. Предлагаемый в данном исследовании анализ военно-политических условий и по-

следствий федератских договоров ставит целью связать это его свойство с предыдущим («юридическим»).

Наконец, в-третьих, федератский договор, на наш взгляд, вырастает за рамки «сиюминутных», текущих проблем и целей. Он устремлен в будущее. Он – та политико-правовая форма, которая создает прецедент (и необходимость!) превращения его (договора) в юридическую форму легитимизации варварского (германского) анклава (потом – королевства), т.о. проводя органическую последовательность «растворения» Западной Римской империи в европейских протофеодальных государственных образованиях.

Эти три, направленные в будущее, элемента федератства как системы требуют самовыражения, а для нас – типологического оформления, позволяющего выявить общие и частные проявления рассматриваемой системы, временную последовательность и временные отличия типов федератства, представленных в федератских договорах, их содержательную суть, определяющую их значение и для германских племен, и для империи.

Политико-правовым элементом, создающим и формально закрепляющим федератские отношения варваров с империей, ее администрацией и полководцами, является федератский договор. Ясно, что сами федератские отношения, как и их последствия для обеих сторон, зависели от их типов, продиктованных историко-политическими условиями, временем, местом, этнической характеристикой «народа», вступающего в договор с Римом, положением вещей в самой римской провинции и многими другими вещами. Выявление типов таких договоров, их классификация, насколько позволяют источники, даст возможность выявить исторические координаты каждого федератского договора и во многом, как мы надеемся, объяснить вектор римско-федератских отношений и их место в канве политических и военных событий.

Попытки типологии и классификации договоров Рима с его партнерами восходят к Титу Ливию. И хотя в своей классификации римский историк в основном оперирует договорами Рима с городами и общинами Италии или эллинистическими государствами, тем не менее, она послужила основой, как мы увидим ниже, для научных изысканий многих историков. Таким образом, уже историки-современники чувствовали внутреннюю градацию категорий варваров-федератов и их внутренние и внешние различия.

Прокопий Кесарийский в «Войне с вандалами» приводит некоторые сведения о статусе варваров-федератов, о формах *foedus*'a и его признаках. Прокопий выражает точку зрения, что федератами служили только те варвары, которые «никогда не были покорены, ни, тем более, обращены в рабов», они примкнули к империи на равных с римлянами началах, «потому что *foedera* означает союз с бывшим врагом» (*Procop., Bel. Vandal., I, II, 3-4*).

В этом утверждении интересны три обстоятельства. Во-первых, оно уже имеет

в виду именно варварские племена со всей их спецификой общественного организма, а не «*civitates*» или «*reges*», как у Тита Ливия, Цицерона и др. Тем самым мнение Прокопия особенно интересно для нас. Во-вторых, указанный автор, в отличие от предыдущих, впервые выделяет основным признаком *foedus*'а как «союза» полное равенство партнеров, отсутствие признаков подчиненности. Вспомним, что у Тита Ливия затруднения в четком определении той или иной формы договора вызвало именно это обстоятельство. Теперь же дается достаточно твердый критерий. Наконец, в-третьих, Прокопий выделяет понятие *foedera* как союз с бывшим врагом. Это – то новое в юридической фиксации договорных отношений, что появляется в императорский период. Республиканские союзы с индифферентными или нейтральными партнерами II типа (по Ливию) уходят в прошлое. Новый союзник Рима – бывший враг; Рим вынужден мобилизовать всю дипломатическую тонкость, весь свой экономический, военный и политический потенциал, чтобы обращать врагов в друзей и союзников и полагаться на них. Это ли не свидетельство военно-политического упадка Рима, если появление практики нового *foedus*'а – политический симптом этого упадка. Думается, что Прокопий в определении понятия «*foedus*» и «*foederati*» ушел гораздо дальше своих предшественников и отметил очень существенные их стороны.

По Титу Ливию, «есть три рода договоров, которыми государство и цари закладывают дружбу между собой. Один, когда предоставляются условия побежденным в войне; и в самом деле, когда все передано тому, кто имеет перевес на войне, то ему и предоставляется полное право решить, что должны удержать из этого побежденные, и какое они должны понести наказание. Другой род – если равные друг другу на войне противники заключают мир и дружбу на одинаковых условиях; тогда требуется и дается удовлетворение по взаимному соглашению, и если в обладании чем-либо произошло какое-либо расстройство, то все это приводится в порядок или на основании прежнего права, или согласно с обоюдными выгодами. Третий род – если те, которые никогда не были врагами, сходятся, чтобы заключить дружбу между собою путем союзного договора, они не предписывают и не получают условий, потому что это свойственно только победителю и побежденному» (Tit Liv., 34, 57, 6 ff.).

Само понятие «*foedus*» благодаря традиции римских античных историков, как отмечалось выше, мы переводим не только понятием «союз», но и сопровождаем корректность этой дефиниции рядом условий, придающим ему публично-правовые и историко-политические обоснования.

«*Foedus*», приведший к федератству и превративший его в военно-политическую систему, не равнозначен той форме «союза», который был основой политических и военных отношений Рима с общинами и территориями, другими политическими системами, включая греко-италийские города, которые именовались «социями» («*socies*»), «италиками» и которые многими историками

(Хорн, Тойблер, Нойман) ассоциировались с германцами-федератами III-IV вв.

«Соции» последних веков до н.э. ничего общего не имеют с варварами-федератами, как и «foedus» императорской эпохи имел другое семантическое и понятийное содержание, чем республиканский. В первом случае отсутствовали, по крайней мере, два признака, присущие федератскому договору «варварского типа»: германо-варварская этническая и ментальная фактура, в определенных исторических условиях определяющая необходимость и тип договора с Римом; и отношения Рима к партнеру по договору как к «бывшему врагу» (по Прокопию). Но главное – это результат в целях заключения «foedus'a» в республиканском и императорском Риме. Далее, «федератские» договоры республиканского Рима не имели своим результатом служение сначала отдельных военных отрядов на службе Рима, а затем и армий, состоящих из федератов. *Corii auxiliorum barbarorum* римских историков в II-V вв. и были федератами-варварами (германцами) в чистом смысле. Пока же предварительным выводом определим тот факт, что использование термина и понятия «foedus» и «foederati» для республиканской эпохи неправомерно, не оговариваясь при этом о федератах «in sui», каковыми были варвары-германцы в императорский период.

Не следует забывать, что еще в III веке римляне различали «внутренних» и «внешних» варваров-федератов, главное отличие которых заключалось в том, что вторые не были «привязаны» римлянами к земле, к территории, а потому и не были столь обязанными Империи, в своих договорах сохранили определенную свободу поведения, а потому именно они и были в III-IV вв. причиной особого беспокойства Римской императорской администрации; более активно участвовали в грабительских набегах, волнениях, бунтах против римского военного руководства. Это обстоятельство, как мы увидим далее, корректировало определенным образом политику римского руководства при заключении «foedus'ов», всю практику договорных отношений с варварами. Зато «внешние» федераты были главным форпостом Рима против «диких» варваров, с которыми у первых свои счеты (Iord. Get; 107ff).

С 20-х гг. IV в. вопрос о взаимоотношениях готов и других варваров-германцев с Римом принял не только внешне-, но и внутривнутриполитическую и даже социальную окраску, стал предметом борьбы римских партий и группировок. Тема «barbarism» становится самой актуальной у современных той эпохе историков.

Для создания типологии федератства и дальнейшей его классификации следует учитывать и такие нюансы, как исторические обстоятельства условий тех или иных федератских договоров, даже заключенных в одно или почти в одно время и даже на одной территории. Вот типичный пример. Феодосий I был вынужден поселить готов на римской территории, т.к. иного выхода при массовом вторжении варваров у него не было. Но чуть позднее, уже при Стилихоне, по-существу прибравшему к рукам власть в Западной Империи, массовых вторжений варваров уже не

было. Просачивались в империю лишь небольшие группы варваров, и Стилихон считал выгодным для себя принимать и селить их «через голову» императора, что позволило ему фактически сформировать свою федератскую армию, ставшую опорой его власти. Здесь статус «федератов» превращался в разменную карту в борьбе за власть. Из таких «вариаций» формирования и применения федератов состоит большая часть договорных федератских отношений Рима и варваров, и это надо учитывать в классификации федератских договоров.

Федератский договор помимо своей правовой фактуры и набора юридически закрепленных условий имел еще одну, на первый взгляд, чисто формальную, но принципиальную особенность, отличавшую его от иных типов договорных отношений, например, наемнических. Федератские договоры могли обновляться, тем самым подтверждая их юридический характер и прецедентальные возможности. Например, в декабре 392 г. Арбогаст напал на Кельн, мотивируя это недовольством условиями принятых федератских договоров. Император Евгений организовал «огромную армию» в прирейнском лимесе с явной угрозой для германцев. Дело закончилось обновлением ряда федератских договоров с франками и аланами, удовлетворивших на время аппетиты Арбогаста (Cod. Theodos., II,9) [11, с. 245].

Нам представляется, что федератский договор, имевший в своем содержании целевую (как правило – военно-политическую) «обстоятельную» (конкретные обстоятельства заключения) и юридическую (публично-правовую) фактуру, определял в конечном итоге суть и направленность федератских договорных отношений, зачастую и их историческую судьбу в каждом конкретном событии. Вся гамма таких договоров и отношений того или иного типа вполне поддается попытке классификации их в сравнительно-аналитическом плане. Типология и построенная на ее основе классификация не являются самоцелью, а предназначены для изучения всех возможных отраженных в источниках вариантов договорных отношений, создавших систему федератства в Поздней Римской империи.

Экономическим обоснованием утверждения федератства как формы союзных договорных отношений явилась широкая возможность найма варваров-федератов на военную службу Империи, которая была обусловлена заменой с середины IV в. рекрутирования в римской армии введением нового налога – *augur tironicum*. Этот налог позволил императорам вместо недееспособных и ненадежных рекрутов (либентинцев, рабов, колонов, беднейших провинциалов) формировать боеспособные, мощные отряды, а затем и «племена» федератов. Этим же цели служили и огромные земельные фонды Империи, заменяя форму оплаты расселением варваров в провинциях. Например, один из ранних случаев такой практики (когда Констанций Хлор в 305 г. поселил франков на Нижнем Рейне между рекой и Маасом) позволил историкам утверждать, что федераты получили «бенефиций». Такая модернизация понятна, если считать, что многие формы фео-

дальнего землевладения имели истоки в практике федератства еще в IV-V вв.

С другой стороны, варварские племена, начиная с IV в., тем охотнее шли на союз, а точнее, искали союза с Римом, чем явственнее становилась для них целевая ориентация на получение экономических выгод от этого союза – в виде выплат и земельных приобретений («поселений» в провинциях). В частности, варвары Подунавья, вступившие в федератские отношения с Римом, получали специально для поселения те земли, которые они уже имели (Procop. Bell. Goth., IV,5,13) [4, IV,229]. Однако, земледелием на таких землях, особенно в IV в., занималась лишь небольшая часть варваров, несмотря на то, что римская администрация рассчитывала именно на это (Themist. Or., XVI, 211b, 212b) [11, V,245].

Если говорить о федератстве как о системе, то существовало два этапа строительства договорных отношений между Римом и варварами-германцами применительно к обстоятельствам их инфильтрации в Империю, безотносительно к векам и временам оформления федератских союзов. Это особенно ярко видно на примере готов. Расселение вестготов в Южной Галлии проходило в два этапа. Первоначально они селились в провинциях на правах постоя (*hospitalis*). На этом этапе им не присваиваются участки земли, а сами они еще не занимаются земледелием. Хлеб и продовольствие получают от государства или, частично, от местного населения. На втором этапе (в 417-418 гг. для вестготов) – в Испании, Аквитании они уже получают землю в известной пропорции, занимаются земледелием, другими видами хозяйствования, т.е. превращаются уже в элемент римской экономики и римской государственной системы.

У разных племен, в разное время, в различной степени четкости этих этапов подобная «федератизация» характерна для всей истории федератства. Это в числе прочего означает общность тех обстоятельств – военных, политических, социокультурных, экономических, в которых заключались федератские договоры. Поэтому нам важно при разработке классификации римско-варварских договорных отношений, выразившихся в различных типах федератских договоров, всегда учитывать всю гамму обстоятельств той и другой стороны при их заключении.

Пожалуй, самой существенной категорией обстоятельств, игравшей главную роль в позднем федератстве, т.е. в V в., были условия поселения и раздела земель между германцами-федератами и романо-гальскими племенами римских провинций (это касается и расселения вандалов, франков, бургундов). Анализ этих обстоятельств позволяет выявить разницу в условиях поселения этих федератов, а тем самым и разницу в типах федератских договоров и их последствий.

Как исторические обстоятельства влияли на способы поселения германцев в римских провинциях и как отражались на типах федератских договоров и их последствиях, видно из следующего примера. Если Феодосий I был вынужден поселить готов на римской территории, так как при массовом их вторжении иного выхо-

да у него не было, то Стилихон чуть позднее, когда массовое вторжение варваров прекратилось, охотно расселял небольшие группы, просачивавшиеся в Империю, формируя из них свою собственную армию. Это, как мы увидим, сказалось на появлении нового типа федератских договоров – *foedus summi* по нашей классификации, отличавшихся от прежних, более простых и однозначных договоров.

Обстоятельства заключения большого числа федератских договоров опровергает мнение Г. Дельбрюка и его последователей об отсутствии у германских племен тяги к переселению и освоению предоставленных Империей территорий; обилие федератских договоров в IV-V вв. они объясняют романтикой завоевательных походов германцев и стремлением их к грабежам и военным приключениям [12, II, 214]. Тем необходимее, на наш взгляд, учитывать обстоятельства заключения каждого федератского договора, что и поможет их классифицировать.

В III в. еще часты были случаи федератских договоров, заключавшихся с побежденным Римом врагом. Например, император Аврелиан в 270 г., разгромив сарматов, с большой армией ударил по вандалам. После разгрома (!) был заключен мир, по которому вандалы предоставили Риму 2 тыс. конницы и «заложников знатных семейств» (Zosim., I, 48, 2). Здесь именно стечение благоприятных для Рима обстоятельств («инерция» разгрома сарматов и вандалов, нуждаемость в коннице и др.) привели к заключению договора именно «с поверженным врагом». (Вспомним классическую дефиницию Прокопия.)

Случалось, федератский договор заключался по религиозным мотивам, как это было в 348 г., когда готский епископ Ульфилла вывел готов-христиан из-под удара ярого язычника и антиримлянина Атанариха и, переправившись через Дунай, поселил их в Мезии, где земли им отвел возле Никополя император Констанций [11, V, 93].

Значительное количество федератских договоров IV в. заключалось по просьбам варваров, прежде всего – готов, которые под давлением гуннов искали защиты у Империи и, как правило, находили отклик у императоров. Так, получили готы Фракию в 375-376 гг. (Amm. Marc., XXXI, 3, 6-8). При этом в то время при определенных обстоятельствах, например, когда римляне имели дело с дикими и воинственными германскими племенами, Империя предпочла заключить мир без федератских обязательств и условий (типа «рах»), как это произошло, например, в 370 г. в отношении саксов (Amm. Marc., XXVIII, 5, 4).

Помимо добровольных и контролируемых федератским договором варварских контингентов, поступивших на службу Риму и вливавшихся в римскую армию в IV-V вв., существовал и другой способ установления союзнических отношений. Речь идет о германских отрядах, самовольно переходивших в пределы Империи под давлением, например, «диких» варваров и селившихся в приграничных провинциях, *de facto*. Впоследствии римская администрация узаконивала их поселения, но уже в статусе не федератов, а лэтов (Codex Maguntinus, s. 21).

Особенно следует выделить федератские договоры и возникшие на их основе федератские отношения при форс-мажорных обстоятельствах у варваров, в том числе не военно-политического, а социального порядка. Аммиан Марцелин описывает уникальный случай, когда в 358 г. у сарматов-федератов произошло крупное восстание их собственных рабов и, не в силах справиться, первые обратились за помощью к Констанцию II, причем заключили очередной *foedus* (!), видимо, взяв на себя дополнительные обязательства перед Империей. Констанций подавил восстание рабов-лимигентов, привязав к себе еще больше сарматских федератов, а попутно решил задачу нейтрализации вредных для империи проявлений социальной активности низов (*Amm. Marc., XVII, 13*). Любопытно, что и лимигенты заключили союз с Констанцием, который, однако, император вскоре попра и жестоко расправился с ними (*Ibid, XVII, 13, 7-20*).

Довольно ярко проявили себя чрезвычайные обстоятельства при заключении федератских договоров в знаменитой военно-политической акции Стилихона весной 398 г. против Константинополя, который в результате умных маневров перетянул на свою сторону готов Алариха, заключив с ними *foedus* против своего заклятого врага константинопольского полководца Руфина (*Zosim., V, 4, 3*) [2, V, 275].

Обстоятельства заключения федератских договоров иногда были необычными с точки зрения римской политики и политической субординации. В довольно острых событиях 250-252 гг. во время войны готов во главе с их вождем Книвой с полководцем императора Деция Галлом источник описывает случай, когда Книва, опередив соперника, овладел г. Филиппополем и заключил *foedus* с начальником гарнизона Прииском против Деция и Галла. Это привело к разгрому и убийству Деция, провозглашению императором Галла, с которым Книва тотчас «перезаключил» союз и стал его федератом (*Jordan, Get., 101-104*). Из этого видно, что «малые обстоятельства», на первый взгляд, имевшие местное и преходящее значение, часто приводили к большим и долговременным последствиям в федератских отношениях.

Федератство как система, в числе других факторов не только разрушавшая Римскую империю, но и положившая начало европейской феодальной государственности, проявило себя в Таврии. С середины IV в. наступает новый этап в развитии системы федератства, а именно: принятие федератов «в подданство» Империи. С этого времени роль федератов в жизни Рима резко возрастает. По существу, начинается легальная инфильтрация варваров в пределы Римской империи.

В период т.н. «готских войн» (250-270 гг.) и последующего проникновения готов в Таврию, империя еще не нуждалась в «союзных» варварах настолько, чтобы заключать с пришельцами союзы. В 270 г. римляне отбросили готов от Дуная без особых усилий, локализовав их в Северном Причерноморье и Кры-

му. После этой даты в конце правления императора Аврелиана Рим начал практиковать расселение готов по эту сторону Дуная, заключая с ними «простые» союзы (*f. solitum* или *f. terrae*) и превращая таким образом их в федератов. Однако в этот период (70-80-е гг. III в.) готы поселяются на правом берегу Дуная не в качестве федератов, а в качестве лэтов (т.е. «колонов» – поселенцев «пограничной стражи») – категории более зависимой, привязанной к земле и эксплуатируемой местной администрацией (*lord., Get., 108 sqq.*) [1, с. 85].

Можно согласиться с мнением В.М. Зубаря относительно протогосударственных готских образований в Северо-Западном Причерноморье, в Крыму на рубеже III-IV вв. и в начале IV в., что готы здесь еще не были федератами, а спорадические «контактные» мирные договора с подунайскими и таврическими готами римской местной администрации и римских войск (*militia*) еще вовсе не были федератскими [14].

Система федератства, требующая дальнейшего изучения, менее явно и не столь «классически» проявила себя в Восточноримской империи и, в частности в Причерноморье, где основным федератским этносом с середины V в. стали остготы. Еще во второй половине III в. готы, вступившие в плотный контакт с Римской империей, использовали Боспор в качестве трамплина для набегов на малоазийские и причерноморские территории Рима.

О роли варваров-федератов в военно-политической жизни причерноморского региона Восточноримской империи мало что известно. Имеются лишь косвенные свидетельства о них. Например, в «Церковной истории» Филосторгия задуданайские готы («скифы») по римской письменной традиции), проникшие в малоазийские провинции Римской империи в начале V в., видимо, были остготами Северного Причерноморья (*Philostorg., Hist., II, 4, 1-2*). Их статус (федератов?) неясен, но соотнесение с классическими источниками (Иордан, Орозий) позволяет сделать предположение, что среди них были и федераты. Об этом косвенно свидетельствует и факт назначения епископом к крымским готам их соплеменника Ульфилы (не путать с автором «Готской Библии»), которого рукоположил сам Константинопольский патриарх Иоанн Златоуст [7, р. 511]. В этот период наличие христианства у готов является почти стопроцентным признаком федератства.

В Причерноморье, где перемещались гунны и впоследствии утвердились остготы, федератство как система себя не проявила по двум причинам [15, с. 511]. Во-первых, восточные провинции бывшей единой Римской империи пролегли в стороне от устремлений основных сил германских племен на Запад, привлеченных обилием свободных земель и федератскими льготами, предоставляемыми западными императорами. Во-вторых, в качестве субъективного фактора надо отметить воинствующее нежелание восточноримской дворцовой и военной знати терпеть рядом с собой варварских вождей и полководцев, недоверие к ним, чего не было на Западе, где императоры и их окруже-

ние охотно предоставляли военные должности и регалии германским королям и вождям. В то же время и здесь система федератства, хотя и в значительно меньшей степени, чем на Западе, сыграла определенную роль.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Procop. Bell. Vandal.	– <i>Procopius. De bello Vandalico.</i> München, 1966-1977.
Procop. Bell. Goth.	– <i>Procopius. De bello Gothico.</i> München, 1966-1977.
Tit. Liv.	– <i>Тит Ливий.</i> Римская история от основания города (разные издания)
Jord. Get.	– <i>Jordanes. Getica.</i> Berlin, 1954.
Themist. Or.	– <i>Themistius. Orationes quae supersuut.</i> Leipzig, 1965.
Zos.	– <i>Zosimos. Historia Nova / Ed. Mendelson.</i> 1887
Amm. Marc.	– <i>Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum...</i> Leipzig, 1978.
Philostorg. Histor.	– <i>Philostorgius. Historia ecclesiastica.</i> Berlin, 1972.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003.
2. Корсунский А., Гюнтер В. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
3. Корсунский А. Готская Испания. М., 1969.
4. Сиротенко В.В. Взаимоотношения гуннов и Римской империи // Уч. записки Пермского государственного университета. 1959. Вып. IV. Т. XII.
5. Кудрявцев О. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи. М., 1957.
6. Seeck O. Geschichte der untergangs der antiken Welt. Stuttgart, 1910-1919. Bd. I-IV.
7. Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme. München, 1934-1936.
8. Braund D. Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship. London, 1984.
9. Alföldi A. Der untergang der Römerherrschaft in Pannonien // «Hermes». 1924-1925. Bd. I-II.
10. Horn H. Foederati. Frankf. a Main, 1930.
11. Seeck O. Geschichte der untergangs der antiken Welt. Stuttgart, 1920.
12. Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М.; Л., 1937.
13. Mommsen Th. Das römische Militärwesen seit Diocletian. Gesammelte Schriften 6. Berlin, 1910.
14. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998.
15. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Korostelin V. A.

Phoederatism in Late Rome as a System: on the Problem of Barbarians-Phoederates

Summary

Historic practice of relations of Late Rome with barbarians, first of all the Germans, created Phoederatism as a system. This system evolved in the 4th – 5th centuries generating different types of treaties with various military-political consequences. The system of treaty relations (Phoederatism) determined the political fate of Western Roman Empire and influenced the formation of barbarian enclaves in the Empire, socio-economic and political processes in them, which brought to the formation of barbarian kingdoms and pro-feudal states in Western Europe.